

Тяжелые ворота, обитые красным лаком, венчала черная табличка из драгоценного дерева наньму, на которой размашистым почерком было выведено три иероглифа: Наньгунмэнь. По обе стороны от входа замерли два стража в темных доспехах, сжимая в руках золотые копья.

— Запретная зона императорского дворца! Кто вы такие? Предъявите пропуск.

Заметив приближающуюся карету из сандалового дерева, стражники шагнули вперед и, подняв копья, холодно потребовали ответа, не скрывая настороженности.

— Лови.

Юноша в белых одеждах, сидевший в карете, с бесстрастным лицом бросил им кусочек белого духовного нефрита. Его голос звучал равнодушно, а взгляд был полон пренебрежения.

Увидев знак на камне, стражники побледнели от ужаса. Они рухнули на колени, дрожа всем телом, и в их голосах слышался страх:

— Простите, ваше высочество! Мы ослепли и не узнали одиннадцатого принца. Умоляем, помилуйте!

Обычный духовный нефрит часто использовали в качестве валюты, но белый нефрит был невероятно редким и обладал колоссальной энергией. Одного такого камня хватало, чтобы подняться с низшей ступени развития до высшей. Во всей империи Фэн Юй лишь императрица, её супруг, их четверо детей и будущий главный супруг князя Сяо имели право использовать белый нефрит в качестве личного знака. Остальные, получив подобное сокровище, немедленно пустили бы его в дело, не допуская столь расточительного обращения.

— Открывайте ворота.

Голос юноши в карете прозвучал холодно, а в глазах читалось нескрываемое раздражение.

Поняв, что их не собираются наказывать, стражники поспешили распахнуть ворота. Передвигаться по дворцу в карете, помимо самой императрицы, позволялось лишь императрице-консорту и их пятерым детям.

Императрице-консорту было сорок четыре года, и он уже достиг низшей ступени ранга Духовного Императора. Конечно, его нельзя было сравнить с легендарным князем Сяо, но он уже входил в число сильнейших мастеров — даже нынешняя императрица Сюй занимала лишь низшую ступень ранга Духовного Святого. На всем континенте Фэн Лин насчитывалось не более тридцати Духовных Императоров, десятка Духовных Святых, а Духовные Бессмертные были редчайшим явлением. Духовные Почтенные в последний раз появлялись миллионы лет назад, а Духовные Боги оставались лишь красивой легендой.

Известие о возвращении одиннадцатого принца, отсутствовавшего пять лет, быстро разлетелось по дворцу, а следом — и по всей столице.

У входа во дворец Суин уже стоял Фэн Цинцзюэ, сменивший дорожный наряд на белое платье из тончайшего шелка с узором из магнолий и бабочек, гармонировавшее с заколкой в волосах. Его лицо по-прежнему скрывала белая вуаль. Юноша терпеливо ждал, пока о его прибытии доложат.

Вскоре из дверей вышла Ю Жань с приветливой улыбкой на губах. Подойдя к нему, она произнесла:

— Одиннадцатый принц, императрица-консорт просит вас войти.

Закончив, она отступила в сторону и почтительно замерла у входа. Юноша медленно прошел внутрь.

— Цзюэ-эр, почему не предупредил заранее? Я бы приготовил твои любимые блюда, чтобы отметить твое возвращение. Впрочем, не беда, приготовлю к ужину.

Цзи Жугэ взял его за руку и усадил на кушетку. Его лицо светилось материнской любовью. Он бережно снял с сына вуаль, обнажая безупречное, словно высеченное из снега лицо, и ласково погладил его по щеке.

— Отец, не стоит так утруждать себя. Это я должен готовить для вас, пусть и не так искусно, как сестра, — мягко ответил Фэн Цинцзюэ.

Все эти годы он провел в разъездах с сестрой и лишь изредка навещал дом. Он чувствовал, что должен заботиться об отце, а не обременять его.

— Хорошо. А когда вернется твоя сестра? Хуань-эр скоро исполняется пятнадцать, ей пора выходить замуж. У всех твоих сестер, кроме Пин-эр, уже есть дети. Когда же я дожусь внуков? Эх...

Говоря о своей старшей дочери, Цзи Жугэ не мог скрыть досады. Он был против того, чтобы её обручили с человеком ещё в младенчестве, но знал, что дочь не отступится. Однако после того случая она исчезла на пятнадцать лет, и виделись они считанные разы.

— Сестра в затворе, отец, не волнуйтесь. Она обязательно вернется к совершеннолетию зятя. Но насчет внуков... боюсь, ваши надежды могут не оправдаться.

Фэн Цинцзюэ видел, как загорелись глаза отца, и ему было больно разрушать эту радость, но лучше было предупредить заранее. Все эти годы он был рядом с сестрой и хорошо знал её нрав, особенно в вопросах брака. В памяти до сих пор звучали её слова:

— Ты — брат Фэн Юньинь, неужели ты позволишь делить себя с другими? До восемнадцати лет никаких браков. Если выходить замуж, то только за того, кто по-настоящему тебя ценит. Не спеши, чтобы не погубить себя. Совершенствуйся, и со временем ты встретишь достойных женщин.

Строгий голос сестры до сих пор стоял в ушах. Как он мог не предупредить отца, чтобы тот не тешил себя напрасными иллюзиями? До восемнадцатилетия зятя оставалось еще три года.

— Цзюэ-эр, что ты такое говоришь? Твоя сестра уже не ребенок, её младшие сестры давно замужем, у них подрастают дети, даже у твоей второй сестры внучка уже большая. Посмотри на неё! Да и тебе уже семнадцать, ты столько времени провел с сестрой в странствиях, неужели никого не встретил?

Услышав ответ сына, Цзи Жугэ переменился в лице. Его надежда сменилась гневом, и он сурово отчитал сына, а затем, переключившись, принялся расспрашивать его о личной жизни.

Фэн Цинцзюэ вздрогнул от неожиданности и невольно прикусил губу. При вопросе о возлюбленном в его сознании возник знакомый образ, а щеки предательски порозовели.

Цзи Жугэ заметил эту перемену и уже собирался допытываться дальше, но их прервала Ю Жань, вошедшая в комнату.

— Императрица-консорт, прибыла Ваше Величество.

Ю Жань знала, что вторгаться сейчас неуместно, но приход императрицы Сюй не позволял медлить.

— Скажи ей, что я занят своим туалетом, пусть ждет, — холодно распорядился Цзи Жугэ. В глубине его глаз на мгновение промелькнуло отвращение, настолько быстрое, что никто, даже стоящий рядом, не заметил его. Помолчав, он добавил, обращаясь к сыну: — Твоя мать узнала о твоём прибытии и примчалась сюда. Скорее всего, ради тебя, или чтобы через тебя выведать что-то о сестре. Будь осторожен.

Цзи Жугэ отлично понимал истинную цель визита императрицы. Наставив сына, он повел его в приемный зал.

В зале, восседая на почетном месте, императрица Сюй ждала их появления. На её лице читалось нетерпение, которое она, ради своих целей, была вынуждена сдерживать. Когда-то, будучи первым красавцем империи, он был отдан её семье, но что толку от талантов, если мужчина обречен быть лишь дополнением к женщине? Он всегда был покорным, но всё изменилось в тот год. С тех пор он перестал считать её за человека, и всё благодаря её седьмой дочери...

А теперь, чтобы увидеть его, ей приходится ждать доклада. Просто возмутительно!

— Приветствую мать, — Фэн Цинцзюэ, выйдя в зал, слегка поклонился, но, не дожидаясь приглашения, выпрямился и сел на место рядом с отцом — дерзко и непринужденно.

Императрица-консорт лишь мельком взглянул на неё и занял свое кресло.

Отец и сын вели себя так, словно императрицы вовсе не существовало. Их поведение было отточено до автоматизма, явно не в первый раз. Лицо императрицы позеленело от ярости, но, не имея возможности что-либо сделать, ей оставалось лишь терпеть.

<http://bllate.org/book/22449/2359591>